

МИНУЛ год со дня премьеры. Невелик срок. Но можно, нисколько не боясь ошибиться, уже сейчас сказать: опере «Петр Первый» Андрея Петрова — жить да жить.

Большой силы талант вложен в эту оперу. Талант композитора, режиссуры, дирижера, исполнителей. Среди многих проблем и вопросов, связанных с созданием оперы, был и такой, казалось бы, простой вопрос: как начать оперу о годах великого перелома русской истории? Как, ничего не упрощая, отказавшись начисто от того, что много раз было уже, показать вековую народную тягу к свету? Ленинградский театр оперы и балета имени С. М. Кирова избрал для начала спектакля сильнейшие средства воздействия на зал.

Тишина. Мрак. Ни проблема даже в оркестре. Ни шороха в зале. И вдруг где-то высоко в поднебесье возникает светящаяся точка. Будто слюдяное оконце, одно на всю Русь, отважилось раздвинуть тьму. Вглядываясь, скорей угадываешь, чем видишь, там, в вышине, девичье лицо. Оно будто плывет над землей, укрытой пологом ночи. ...«Чудная Мати-земля... Утоли тоску неизбывную, возроди милосердие вечное». Еле слышный лепет родника, а не голос. Все выше улетает голос, трогательный, кроткий, как выстраданный вздох о счастливой доле...

Вот как опера начинается. И ни программ не нужно, ни устных разъяснений. Мы только и делаем — а в оперном деле особенно, — что говорим: нужно учиться у классиков. Андрей Петров и учится. Только не по прописям.

Вспомним, как гениально сплетено все в «Ворисе Годунове» Мусоргского. Келья Пимена, корчма на литовской границе, венчание на царство под сорок сороков, судорожная, вся насквозь фальшивая любовная сцена у фонтана, крик, вопль народа: «Хлеба! Хлеба дай голодным!». А кончать чем оперу, неужели смертью Бориса, с обрядовым пением, с колоколами, глухо, редко, как из-под земли звучащими? Нет, на огромную сцену-пустыню Мусоргский вывел Юродивого: «Лейтесь, лейтесь, слезы горькие. Плачь, плачь, душа православная».

Устами простой русской девушки Анастасии, невесты солдата, произнесены напевные слова зачина оперы. Сколько раз слушаю «Петра»,

столько раз думаю о родстве Юродивого и Анастасии, о силе талантов, поднявших былинку с неоглядного поля России — до символа. И гибнет Анастасия символично, когда колокола снимают, чтобы пушки из них лить, а пушкинами Россию отстоять.

Очень начитан Петров в музыке той эпохи. Не в «Царе ли Федоре Иоанновиче» Станиславский подсказал художникам — рядом с музейной вещью ставить наново сделанную, но сделанную на со-

бовь». К чести Петрова, его не обвинишь в стилизации «под XVIII век». Оркестру придан современный, многогранный стиль. Оркестр не на «подхвате», он — могучая действующая сила, но, действуя, он поясняет, расширяет границы выразительности, развивает сюжет, произнесенное голосами. В этом — один из показателей оперного симфонизма.

Одна подслушанная реплика при «театральном разъезде» могла бы показаться ба-

НА СОИСКАНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРЕМИИ СССР

ЭПОХУ МУЗЫКОЙ ОСМЫСЛИТЬ!

перс. А. Петров
К. Момоловская правда, 1976 г., Зенит

ведь точно? Старина правду свою передает. Петров так и поступает. Солдатская песня — подлинная, голландская песня — даже на голландском языке поется, трехголосый кант «Многи лета, многи лета, православный русский царь» и много еще музейных вещей. А рядом — баллада Марты Скавронской, бивуачной прачки, поднятой на русский трон. Говорят, баллада «Там мимо смерти я прошла, меня мадонна берегла» похожа на бетховенского «Сурка». Похожа, верно. Но и «Сурок» похож на десятки песен той эпохи, французских, немецких, шотландских. Какими только ветрами не пронизывала судьба походы русского солдата, и что только не запомнили маркитанки, прачки да стряпухи! Петров нашел обобщенную интонацию, экстрат песни. Марте важно растрогать слушателя. Она и трогает душу песней. Андрей Петров в своей опере говорит отличным, богатым русским музыкальным языком. И как особое его достоинство — отмечу: нет в опере знакомых, стертых интонаций.

Национальный характер русской оперы нельзя свести только к Глинкой, Мусоргским, Бородиным, Римским-Корсаковым и их современникам. Нельзя забывать о «Войне и мире», «Декабристах», «Тихом Доне», «Угрюм-реке», об опере «Не только лю-

нальной, но в ней заложен такой добрый смысл, что не поделить ее не могу. «Вот наконец-то тут есть что петь!»

Дело, разумеется, не в том — есть мелодия или нет. Спор — вековый. Дело в органичности мышления композитора Петрова, пишущего оперу.

«Петр Первый» имеет обильную прессу, пополняемую благодарными письмами зрителей и слушателей. Хвалят. Нравится. Что-то — частности — критикуют. С похвалой отзываются о постановщиках. Скажу и я. Наталия Касаткина и Владимир Васильев — люди балета. Они сделали много хороших спектаклей, несколько отличных, и один — удивительный — «Сотворение мира». Их потянуло (или Петров их потянул?) в драматургию, и они сочинили либретто «Петра». Они пришли в режиссуру оперную и поставили «Петра». Как? По-новому, по-своему. Основное достоинство спектакля — естественность, органичность. Никаких режиссерских трюков, все — логично и со вкусом.

Истории, события, люди ожили в музыке Андрея Петрова, композитора, умеющего создавать прочные вещи. «Петра Первого» не зорко ставить рядом с самыми знаменитыми спектаклями, идущими на сценах по многу лет.

Леонид ЭНТЕЛИС.